

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все вы видели звезды.

Но возникала ли у вас мысль, что однажды вы их больше никогда не увидите?

Все вы видели солнце.

Но думали ли у вас мысль, что однажды может случиться так, что вы никогда-никогда больше не почувствуете его тепло на своей коже?

Покидая свой дом, вы задумывались когда-нибудь, что назад уже можете не вернуться?

В то утро мы все покинули свои дома, так как делали это каждый день.

Смешались со стамбульской толпой.

Зашли в метро.

Но выйти оттуда уже не смогли.

Нас было четырнадцать, и на этой конечной станции нам было с чем бороться.

Голод.
Отчаяние.
Страх.
Тоска.
Смерть.

Не увидев звезд вновь,
не почувствовав солнца на своей коже,
не ступив на землю,
мы ждали, зная, что нас никто не услышит.
А потом мы начали умирать — один за другим.
Пока не остался последний.

Ты закрываешь глаза.
Видения твои прекраснее реальности.

*Низкие облака,
звезды,
солнце, согревающее кожу,
капли дождя на ней.
Кажется, протяни руку — и дотронешься до них,
но мечты невозможно коснуться, ты знаешь об
этом.*

«Там, где кажется, что мы заблудились, в сущности начинаем узнавать, кто мы есть на самом деле».

1

ЧЕМ БЛИЖЕ К ЗЕМЛЕ, ТЕМ ДАЛЬШЕ ОТ ЗВЕЗД

Кто-то может отобрать твое сердце, не погружая руку тебе в грудь.

Я терпеть не могла выносить мусор. Серьезно, ребята, я прямо-таки ненавидела это делать! Естественно, такое занятие не было на первом месте в списке ненавидимых мною вещей. Будучи восемнадцатилетней девушкой, я ненавидела очень многое в своей жизни. Ранние подъемы по утрам; привычку брата врывать ко мне в комнату и орать или находить мои спрятанные снеки; гостей, входящих без предупреждения; запутавшиеся провода наушников; проездной потерявшийся в моей сумке; автобус, на который опоздала; менструальную боль; людей, сующих нос не

в свое дело; типов, курящих в туалете; когда кто-то, идущий рядом, раньше меня наступает на красную плитку тротуара; людей, плюющих на улице... Все это вызывало у меня такую ненависть! Ну и, естественно, я ненавидела выносить мусор.

В последнее время в этой жизни мне нравилось лишь одно. Парень, которого я часто видела в библиотеке.

Извините, красавчик.

Его звали Огуз.

Конечно, у меня тоже есть имя. Бестегюль. И так, меня зовут Бестегюль. У меня не было особых проблем с именем, хотя оно мне не очень нравилось, но я его уважала, потому что имя дала мне бабушка. Я была обычной восемнадцатилетней девушкой, которая считала дни до вступительного экзамена в университет и ходила в лицей по утрам. Мне даже больше нечего рассказать о своей жизни. Каждый из вас увидит во мне себя. Я была такой же, как и вы все. Я жила в спешке, беспорядке и хаосе.

— Бестегюль, не пролей воду из мусорного мешка, дочка.

Когда я поспешно завязала шнурки и выпрямилась, я увидела в дверях маму. Она вста-

ла рано, чтобы проводить меня на занятия, и успела вручить мне мешок мусора.

Я сказала:

— На дне мешка дырка, мам.

— Тише, не перечь матери.

Мамы... Вы и так знаете, какие они, поэтому о своей маме много рассказывать не буду. Когда я спускалась по ступенькам, мешок с мусором подальше от себя, мама, кутаясь в шерстяную пижаму, окликнула:

— В пути молись, доченька, и благополучно возвращайся!

Когда я посмотрела на нее через плечо, я была так тронута, что поднялась обратно по ступенькам. Посмотрела на нее с любовью и звонко, может, даже слишком, чмокнула в покрасневшую щеку. У меня вдруг заныло сердце — я очень любила маму. Она тоже поцеловала меня в щеку, и я ответила:

— Конечно, я молюсь, пока иду, мамочка. — Я не стала уточнять, что при этом еще и разглядываю парней, идущих навстречу. — Заходи домой и поспи!

Она поправила на мне шарф.

— Иди и возвращайся благополучно, доченька.

Я поцеловала ее еще раз, не обращая внимания на свое беспокойно бьющееся сердце:

— Пока, пока!

Взглянув на сломанный лифт, я побежала вниз по лестнице и вскоре оказалась на улице. Из мешка с мусором все еще капало. Выбросив его в контейнер рядом с домом, я направилась к станции метро.

Весна только начиналась, и было довольно прохладно. Идя по тротуару, я прижимала шарф, чтобы он не улетел. На мне были джинсы с высокой талией и красная шерстяная кофта, поверх — черный пуховик. Рыжевато-каштановые волосы я заплела в косу. Пока бежала, несколько прядей выбились из косы и упали на щеки, но я не обратила внимания. Зайдя в метро, я встала на эскалатор и надела наушники. Пока выбирала песню на телефоне, спуск закончился.

Вскоре я была внизу и ждала поезд. Я слушала песню группы Duman, смешавшись с толпой, и одними губами напевала припев. Когда я спустилась в метро, у меня появилось странное чувство. Я не боялась замкнутых помещений, но впервые почувствовала себя здесь некомфортно. Я вздрогнула, опустив карие глаза на пути, и вскоре увидела, как виб-

рируют рельсы. Поезд с гулом приближался. Я вздохнула в надежде на свободное место. Через несколько секунд вагон остановился передо мной и открыл двери. Несколько мест были свободны. Пытаясь успеть занять одно из них, я аккуратно расталкивала людей и проходила вглубь вагона.

Но, к сожалению, все места заняли быстрее меня. Нахмурившись, я выбралась из толпы и направилась в менее людную часть вагона, держась за металлические поручни сверху. Очень скоро все вошли, и поезд снова тронулся.

Встав поустойчивее, опершись головой о поручень рядом и держась за другой — над головой, я крепче затянула ремни своей сумки. Позади, передо мной, справа и слева от меня было много людей. Вздохнув, я убрала руку с ремня сумки, но в этот момент один из наушников выпал из уха. Я почти дотянулась до него, глядя на гарнитуру на плече. И тут кое-что произошло.

Чьи-то длинные пальцы подхватили наушник, упавший на мое плечо, и вставили его мне в ухо.

Вставили!

Мне в ухо!

Вздрогнув, я обернулась, чтобы отреагировать на это неожиданное поведение. При-

открытые губы тут же сомкнулись, прежде чем я заговорила, а мое сердце впервые так сильно забилося в груди. Его стук на мгновение оглушил меня. Звуки и события вокруг скрылись в дымке тумана. Я тяжело сглотнула. Он... Я впервые внимательно посмотрела на него.

А Огуз смотрел на меня сапфировыми глазами. Только сейчас я заметила цвет его глаз. Его губы расплылись в улыбке, и я не смогла оторвать взгляд от ямочек на щеках. Он стоял, держась за поручень, и слегка покачивался от движения поезда. Прядь кудрявых волос упала ему на лоб, а щеки покраснелись. Я увидела красную царапину под глазом. На носу была родинка, которая ему очень шла. Пшеничного цвета волосы, большие глаза, пухлые губы и ямочки на щеках... Заговорила я только спустя какое-то время:

— Благодарю.

— Я тебя знаю, — сказал он внезапно, почти вызвав у меня сердечный приступ. — Однажды ты проходила мимо в красной плиссированной юбке.

О, он, действительно, узнал меня! Да, две недели назад я проходила мимо него в красной юбке, но не думала, что он меня заметил.

Я знала его, но не предполагала, что он знает меня. Мы учились в одном лицее, были старшеклассниками, но из разных классов. Конечно, я знала его. Все знают самого популярного парня в школе, если этот парень — капитан баскетбольной команды и у него на щеках две ямочки, на которые все смотрят с придыханием...

Я немного покраснела.

— Но тебе ведь неизвестно мое имя, не так ли? — взволнованно спросила я.

Он улыбнулся:

— Но, кажется, тебе известно мое, не так ли?

Было всего несколько моментов в моей жизни, смутивших меня более, чем этот. Я прикусила щеку, чтобы не застонать.

— Я знаю всех в баскетбольной команде, — ответила я, спасая ситуацию.

Молодец, Бесте!

— Хм, — произнес он, продолжая улыбаться. Волосы у него сильно вились, и несколько кудряшек все время падали на глаза. Он провел языком по губам:

— Так ты любишь баскетбол?

«Ты мой любимый баскетболист», — чуть не ляпнула я.

— Да, верно.

— Какой матч ты недавно смотрела?

Вашу игру?

— Хм...

— Сынок, подвинься!

Какая-то тетка с тростью пролезла между нами, толкнув Огуза, я отступила на несколько шагов, крепче ухватившись за поручень. Точно так же Огуз отступил на несколько шагов, и наш зрительный контакт прервался. Пухлая тетушка с тростью нагло и хитро посмотрела на нас обоих, я ошеломленно отвела взгляд. Теперь он был далеко от меня, мы не могли видеть друг друга из-за тетки, но я знала, если повернусь и посмотрю на него, мне будет неловко. В смятении, взволнованная, я буквально обнимала поручень перед собой и смотрела куда угодно, только не на него.

Я много раз видела его в лицее, но впервые у нас была возможность поговорить. Он стоял рядом, улыбался, разговаривал со мной. Не способная сосредоточиться на песне, играющей в наушниках, я приподнялась на цыпочках, чтобы увидеть его. Он смотрел на меня. Мы оба смущенно отвели взгляд.

Я прикусила щеку, чтобы не засмеяться, и уставилась в пол. Ног было много, голова кружилась. Напряжение, которое я почув-

ствовала, когда спустилась в метро, возросло, при этом мое сердце реагировало как никогда раньше. Вытерев потную ладонь о джинсы, я услышала смех молодых людей неподалеку. Поскольку средняя школа и лицей находились на последней станции этой ветки, здесь часто ездили школьники, а к конечной остановке и вовсе в вагоне оставались они одни. Так было с тех пор, как я перешла в лицей.

Поезд остановился.

Люди вышли.

Поезд продолжил движение.

Это длилось долго. Остановок было довольно много, и люди постоянно входили и выходили. Мне было трудно контролировать взгляд, и я все время смотрела вниз на обувь.

Огуз стоял всего в нескольких метрах от меня. Ладно, я не была в него отчаянно влюблена, но он запал в мое сердце с тех пор, как я оторвалась от тетради для контрольных работ в библиотеке и увидела его. Увидела, как он одной рукой взъерошивает вьющиеся волосы, улыбается, показывая ямочки на щеках, общается с друзьями, покручивая в руке галстук... Как солнце сияет на его коже...

Я вздохнула.

Поезд остановился.

Люди вышли.

Поезд продолжил движение.

Я провела еще десять мучительных минут, стараясь не смотреть на него, да и он вряд ли уже продолжал обращать на меня внимание. Чем меньше в вагоне оставалось людей, тем становилось шумнее, так как почти все пассажиры были учениками из одного лицея. Вы знаете этих старшеклассников, они умеют разговаривать без остановки, а если они и встретят в метро друзей, так вообще не замолкают.

Краем глаза я увидела, как несколько ребят из баскетбольной команды вошли в вагон и поприветствовали Огуза. Я знала всех, хотя мы не общались. Это были Селим, Джесур, Фатих и девушка Селима, Эсра. Эсра мне не нравилась: не было парня в школе, с которым бы она не целовалась. К тому же она флиртовала с Огузом, хотя была с Селимом. Все в школе видели и знали это, кроме Селима.

Я достала из кармана телефон, чтобы сменить песню. Поезд остановился на очередной станции, много людей вышло. Обрадованная, что наконец-то могу присесть, я заняла место

только что вышедшей женщины и переключила трек на телефоне. Блин, оттуда, где я сидела, мне было видно ноги Огуза, а точнее, его ботинки.

Я прислушивалась к его сладкому, чарующему голосу. Хотя в вагоне было почти пусто, ни он, ни его друзья не садились. Когда у меня в ушах заиграла следующая песня группы Duman, я увидела, что ботинки Огуза направились в мою сторону. Я не поднимала головы и продолжала следить за его ногами, которые были все ближе.

— Ну и что? — услышала я кокетливый голос Эсры. — Если мои ноги такие красивые, разве не глупо было бы их скрывать?

Я слышала, как Джесур и Фатих беззастенчиво засмеялись, а Селим что-то проворчал. Огуз не отреагировал, приближаясь ко мне шаг за шагом. Потирая пальцы от напряжения, я услышала голос Селима:

— Но так откровенно одеваться необязательно. Ты всего лишь едешь на занятия.

— Пусть следят за своими глазами и не пялятся, — бросила Эсра. Я посмотрела на ее красные кроссовки. И длинные гладкие ноги. — Действительно, на красивые ноги все пялятся, но Огуз, например, не такой...

Она снова пыталась флиртовать с Огузом! Я мысленно представила, как душу ее.

— Огуз, скажи честно, ты когда-нибудь смотрел на мои ноги? Селим, Огуз — твой друг, и если он смотрел, то ты прав, все смотрят. Скажи мне, Огуз, ты смотрел?

Джесур и Фатих хихикали, пока Селим полусшепотом матерился. Я увидела, как Огуз засмеялся, покачиваясь и держась за поручень.

— Если бы я смотрел на твои ноги, то ты бы целовалась по углам школы со мной, а не с Селимом, — насмешливо сказал он. — Ты меня ни капельки не привлекаешь, Эсра.

Какая у них странная дружба, боже мой!

Фатих и Джесур снова захихикали, я увидела, как Селим ругнулся и толкнул Огуза. Вот тогда все и произошло. Огуз ответил на этот толчок ухмылкой, но споткнулся и плюхнулся на свободное сиденье рядом со мной. Я, вздрогнув, откинулась на спинку и посмотрела прямо ему в глаза. Пока они все смеялись над другом, включая Эсру, Огуз смотрел на меня. Его взгляд обжег сердце мое сердце. И снова эти ямочки на щеках...

— Привет.

Горло пересохло.

— Привет.

Он потянулся ко мне и, прежде чем я успела поднять взгляд, вытащил наушник из моего уха:

— Что ты слушаешь?

Его друзья смотрели на нас и улыбались. Эсре, конечно, это было неприятно. Я заерзала, раздраженная их взглядами:

— Duman.

— Давай послушаем вместе.

Я наблюдала, как он вставлял левый наушник в свое ухо, не испытывая отвращения. Бог не простит меня, если я отведу взгляд от его милых ямочек. Он был широкоплечим, высоким, спортивно сложенным. Он сдул кудрявые волосы со лба, прищурился, а потом посмотрел мне прямо в глаза и повторил слова из песни:

— Перед смертью мне достаточно хотя бы однажды обнять тебя за талию...

Все мое тело трепетало.

Опустив взгляд, я держала телефон дрожащими руками на коленях, но даже не смотрела на экран. Мы сидели бок о бок, его нога слегка касалась моей. Мне казалось, я вся покрылась потом и покраснела. Мы слушали одну и ту же песню на одном телефоне в одних наушниках.

Наш слух ласкала одна и та же мелодия. Впервые я была так близко к нему.

Поезд остановился.

Люди вышли.

Поезд продолжил движение.

Мы приближались к последней станции. Людей в вагоне осталось очень мало; если я не ошибаюсь, все они были учениками лицея и, должно быть, ехали на занятия. Нам оставалось ехать несколько минут, и я знала, что этот момент, разделенный с ним, возможно, первый и последний.

Вот почему я закрыла глаза. Я проживала лучшие минуты своей жизни с парнем, в которого была влюблена. Я глубоко наслаждалась этим моментом.

До того самого мгновения.

До шума.

Мы сначала не поняли. В поезде¹ нас было больше десяти человек. Мы слышали шум, замолчали, глядя друг на друга, но когда звук стал громче, выглянули в окна вагона. Первое, что я увидела, был трясущийся потолок. Высокий потолок метро ходил ходуном, со стен падали

¹В стамбульском метро все вагоны соединены открытыми тамбурами, и поезд представляет собой единое пространство.

камни. Я закричала, ужас сковал мое сердце. Произошедшее после напугало нас еще больше, чем все, что было до сих пор.

Высокий каменный потолок сотрясался и рушился с оглушительным грохотом у нас на глазах. Мы все побежали в другой конец все еще ехавшего поезда, крича, но совсем не понимая, что делаем. Потолок рушился, и, пока поезд ехал, обломки падали на рельсы, образуя позади кучу камней. Нам ничего не оставалось, как кричать и бежать.

Туннель разваливался, груды камней падали на пути позади нас и скапливались. Я ощутила, как сжалось горло. Меня охватил страх. Я не знала, что делаю и куда иду. Пути разрушались, камни валились друг на друга, создавая настоящую стену. Мгновение спустя я увидела, как мерцает свет, и услышала крики. Кто-то нажал кнопку вызова помощи. Крики стали громче. Когда мы остались в темноте, а поезд остановился, я беспомощно встала, осознав, что мы достигли последней станции.

Я этого не видела, хотя по крикам поняла, что все бежали к дверям. Я не могла пошевелиться, потому что дрожали колени. И когда кто-то нашел в темноте мою трясущуюся руку

и потащил за собой, глубоко в сердце я почувствовала, кто это был.

Это был Огуз.

Потому что лучшие мальчики всегда спасают.

Я крепко схватила Огуза за руку в тот момент, когда все, толкаясь, выскакивали из открывшейся двери. В темноте кто-то включил фонарик на своем телефоне. Мы вышли с перрона в пустое пространство холла станции и в ужасе посмотрели друг на друга. Мы были в поту и крови, окутанные ужасом и шоком. Затем мы огляделись и увидели груды камней которая рухнула, перекрывая путь наружу.

Камни так плотно навалились друг на друга, что образовался свод, который не позволял нам видеть небо. Дорога обрушилась на станцию метро, освещение вышло из строя, как и все объекты станции. Впереди и позади образовалась огромная стена, и все мы выглядели крошечными перед ней. Сильный страх сковал нас. Рука в моей руке была еще теплой, но воздух в легких стал ледяным, кожа замерзла. Все злились, кричали, ругались.

— Что происходит?

— Что, черт возьми, происходит?

— Это ужасно!

— Где, черт возьми, камера? Ну и шутки!

— Это такой способ жизни сказать: «Пошел ты на хуй» или что-то в этом роде?

Выхода не было. Перед нами продолжали сыпаться камни. Только потолок над нашими головами остался цел, хоть и трясся, но чудо спасло нас от гибели. Словно произошло землетрясение, а мы оказались под завалами. Поезд остановился, но машинист не вышел: в новых поездах нет машинистов. Камни валялись перед нами величественно, шумно, с каждой минутой все больше и больше блокируя выходы. Мы попали в ловушку: камней оказалось много, и они были огромными, не стоило пытаться их поднять или сдвинуть. Мы находились под завалом. Случилась катастрофа, и мы попали в тупик на станции, откуда не было выхода.

Чем глубже мы были под землей, тем дальше от звезд.

Мы еще не осознавали, что потеряем человечность ради спасения отсюда.

Литературно-художественное издание

Эмине Тавуз

Под землей не видно звезд

Руководитель направления: Нана Бажунашвили

Арт-директор: Софья Криволапова

Ответственный редактор: Нана Бажунашвили

Технический редактор: Галина Логвинова

Переводчик: Айтен Якубова

Леттеринг: Мария Фролова

Компьютерная верстка: Елизавета Ткаченко

За незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и (или) их аналогов, потребление наркотических средств и (или) психотропных веществ, культивирование наркосодержащих растений законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность, в том числе пожизненное лишение свободы. Незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ вызывает зависимость и непосредственно угрожает жизни и здоровью человека

ФЗ от 29.12.2010
N 438-ФЗ